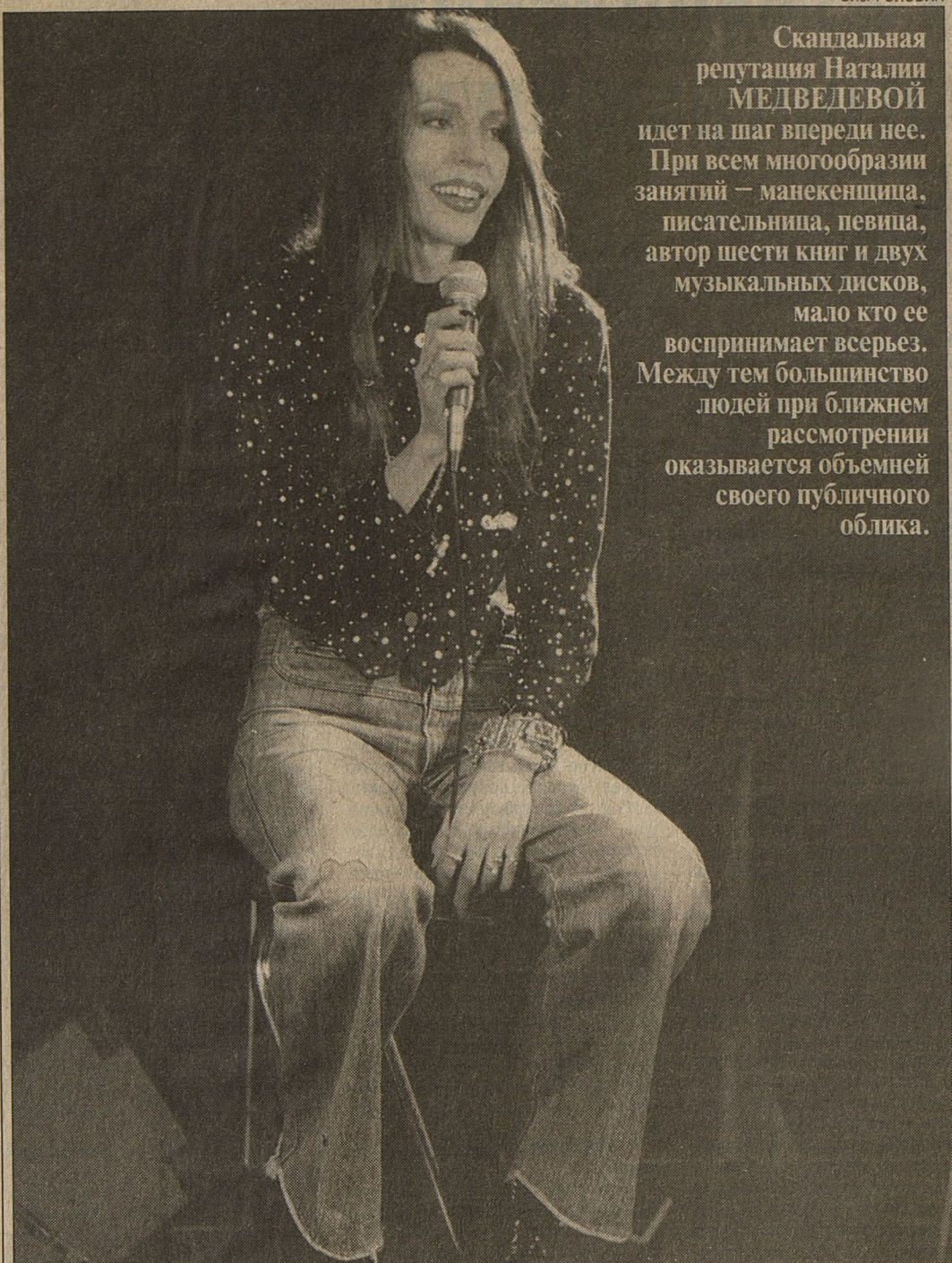

ВСТРЕЧИ

Олег ГОЛОВИН

Скандалная репутация Наталии МЕДВЕДЕВОЙ идет на шаг впереди нее. При всем многообразии занятий — манекенщица, писательница, певица, автор шести книг и двух музыкальных дисков, мало кто ее воспринимает всерьез. Между тем большинство людей при ближайшем рассмотрении оказывается объемней своего публичного облика.

Наташина дорога. Туда и назад

— Мало кто уезжал из страны в 17 лет не в качестве чьих-то дочек-сыновей, а самостоятельно. Вы всегда отличались подобной решительностью?

— В семь лет я, как и все приличные девочки, поступила в музыкальную школу, занималась хореографией и фигурным катанием. В старших классах организовала ансамбль самых высоких девочек, мы пели Окуджаву, Высоцкого. Прекрасно помню беременную учительницу по пению, которая репетировала с нами. В Доме пионеров, где я занималась в театральном кружке, режиссер была женщиной молодой, флигельной. Все мелькало перед глазами, формировало образы эстетические и этические. Мне больше нравились такие женщины, чем скучные работницы ЖЭКа, например.

— Родители довольны были дочкой?

— Отец умер, когда мне было два дня, меня воспитывала мама. Но родителями можно считать бабушку, даже соседку по коммуналке. Это женское окружение трепетно ко мне относилось, я танцевала на кухне, все умилялись. Хотя всерьез меня не воспринимали. Ставка делалась на моего старшего брата, он занимался чем-то вроде космической медицины.

— Вам интересно было учиться в школе?

— Я любила английский: когда стала слушать западную музыку, хотелось понять, о чем они поют, чего орут.

— У вас были комплексы?

— Мне было сложно разговаривать с людьми. Не из-за стеснительности, а потому, что я была уверена, что не нужно говорить то, что ощущаешь. Это было не принято.

— Когда в вашей жизни случился принципиальный поворот?

— Мы с подружкой шли вдоль Гостиного двора к автомату с газированной водой, а мой будущий муж с компанией стоял на проезжей части у автомобиля. Он москвич, принадлежал к тем, кого называли «золотой» молодежью, был старше меня на 20 лет. Он быстро провернул операцию выдачи меня замуж за себя, добился того, что нас расписали, хотя мне было только 16. Для поколения моей мамы формальности много значили: я вышла замуж официально, с печатью в паспорте, поэтому это восприняли спокойно.

Как же отнеслись и к нашему отъезду спустя год в Америку.

— Вас содержал муж?

— Я неплохо зарабатывала там сама, была манекенщицей.

— Как вы чувствовали себя за границей?

— Я уезжала из Советского Союза без каких-либо отрицательных впечатлений, у меня не было обид: я не относилась к тем людям, кому здесь что-то недодали. С гордостью говорила, что я из СССР — одни размеры страны позволяли ощущать себя большим человеком.

Американцы живут шаблонами. В то время был популярен антивоенский мультфильм, главных героев звали Наташа и Борис. У меня был приятель Борис, и когда мы появлялись в компании, на нас показывали пальцем. До сих пор не

могу понять, как у американцев совмещался образ лапотной России с образом великой державы, которая угрожает им атомной бомбой.

В Штатах меня не покидало ощущение неприкаянности. Там все искусственно. С одной стороны, не сложно в 18–20 лет улыбаться и делать вид, что все хорошо. С другой стороны, я глубоко русский человек и рассчитывала на более глубинные отношения.

В том числе и поэтому я уехала во Францию. Уже сама.

— Ваша первая книга «Мама, я жулика люблю» — это автобиография?

— Там есть ее элементы, но главным образом впечатления, переживания, приметы питерской жизни конца семидесятых.

Книга вышла в Париже и не понравилась эмигрантам, потому что в ней совсем не было антисоветчины. Зато понравилась иностранцам, их заинтересовал сюжет — противостояние растущего человека взрослому миру. «Цветочную» (подростковую) революцию переживают во всех странах.

— Как ваше творчество понравилось маме?

— Мама в письме написала, что это как «хэви металл» в музыке. Сама того не подозревая, сделала мне комплимент: я как раз увлекалась тяжелым металлом и лучшего сравнения быть не могло.

— Потом появилась еще книга — такая же вызывающая — «Отедь «Калифорния». Не сложно быть столь откровенной перед публикой?

— На меня повлияла современная литература. В том числе и плеяда так называемых «плохишей»: Генри Миллер, Жан-Жене, Селин — они расширили рамки возможного.

— У такой литературы предполагается свой читатель. Каким вы его видели?

— В Союзе было принято считать писателя общественным деятелем. Я представляла только себя. Меня саму иногда поражает то, что я читаю в своих книгах...

Процесс написания книги происходит в полном одиночестве, перед вами клавиатура пишущей машинки и окошко на стене. До читателя еще бесконечно далеко.

— Большинство в России узнало вас как жену Эдуарда Лимонова. И до сих пор, спустя два года после развода, воспринимают так же. Его одиозное имя мешает вам?

— То, чем он занимается сейчас, для него вполне органично. Его лед служил в НКВД, он всегда уважал армию, и те, кто считали это кичем, в корне ошибались.

Для меня брак с ним — один из периодов жизни, хотя у нас были нестандартные отношения, страстные и неординарные. Я испытывала повышенное чувство уважения к нему: когда мы познакомились, он издал уже две книги.

— Как вы вернулись в Россию?

— Дорога обратно, на Восток, началась в 89-м году. Я приехала сюда, обо всем увиденном написала книгу «В стране чудес — русская тетрадь». Чтобы жить здесь с пониманием, нужно посмотреть со стороны.

Западный мир слишком расказуем. Рынок все взял в свои ру-

ки, самые радикальные проявления в искусстве делаются удобоваримыми и продаются.

К сожалению, здесь происходит то же самое.

— Когда, на ваш взгляд, в России был пик интереса к вам?

— Я вообще не знаю, есть ли интерес ко мне в России. Публика обо мне не знает: здесь знамениты одни и те же. Я сейчас занимаюсь музыкой, но нынешняя шоу-тусовка мне не близка. Как и я ей. Репертуар попсы себя изжил, певцы кинулись в перепевание песен бабушек и дедушек. Звучит не честно — большинство этих людей утвердили себя на отрицании прошлого.

Многое, заимствованное из той жизни, приобретает у нас неповторимые формы. Например, ходоки по фушетам — во Франции это голодающие артисты и художники, которые бегают по презентациям, надеясь на еду и знакомства. Здесь по фушетам разъезжают претенциозные девицы, кругозор которых не шире распахнутой дверцы их автомобиля, и мероприятие оценивают по уровню кормежки.

— Когда вы чувствовали себя наиболее комфортно в России?

— Когда приезжала сюда на месяц и снова уезжала в Париж.

Я живу здесь уже два года, у меня нет своего жилья. Я год снимала квартиру, но это очень дорого. В марте в издательстве «Вагриус» выходит сборник моих рассказов разных лет под названием «А у них была страсть». За весь тираж я получила чуть больше четырех миллионов рублей. Во Франции же на гонорар за подобную книгу можно неплохо прожить целый год.

Мы живем в эпоху победы постмодернизма, важнее рама, а не картина. Главное, как себя преподнести.

— Уж вы-то себя преподносите более чем... Ваш новый диск называется «Трибунал Наталии Медведевой». Каково!

— Я знаю, что многих раздражаю. Хотя это нормально для человека, выходящего на сцену, чувствовать себя пупом земли. Иначе зрители скажут: «А чего ты встала тут, иди отсюда». Меня все время пытается пригвоздить к позорному столбу самозванная полиция нравов. Но я вульгарна куда меньше, чем окружающая нас жизнь. В девятых мне многое не нравится и я имею право об этом петь.

— Есть ли главная ценность в вашей жизни?

— Взаимоотношения с мужчинами. При всей моей независимости от них зависит вся моя жизнь.

— Бойтесь одиночества?

— Я думаю, что не доживу до одиночества. Все закончится значительно раньше.

— Вам бывает когда-нибудь грустно?

— Я просыпаюсь в тоске и подавленном состоянии. С одной стороны, мне нравится, что в моем еженедельнике почти нет свободного места, люблю, когда я занята. С другой стороны, понимаешь, что все эти дела — дорога к чему-то, что может никогда и не осуществиться.

Беседовала
Наталия ШЕРБАНЕНКО

72